

и церковію, могъ отпасть отъ церкви и сдѣлаться страшнымъ врагомъ и хулителемъ ея? Отвѣтъ на это находимъ въ словахъ Христа Спасителя: «Славлю Тебя, отче, Господа неба и земли, что Ты утаилъ сіе (Божественное ученіе) отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ. Ей отче! Ибо таково было Твое благоволеніе» (Лук. X, 21). Толстой, при своей необыкновенной гордости, въ своемъ исканіи правды и истины слишкомъ довѣрялся себѣ, слишкомъ высоко цѣнилъ свои силы, не хотѣлъ и не умѣлъ держать своего разума въ послушаніи вѣрѣ. Онъ искалъ Бога безъ помощи Самого Бога, и въ этомъ заключалась коренная ошибка его. Нельзя самоизмыслить Бога и поклоняться выдуманному Богу. Необходимо поклоняться Тому Богу, Который, дѣйствительно, есть, и Который открылъ Себя людямъ. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ познаніе Бога, Богъ не могъ оставить человѣка безъ помощи и откровенія о Себѣ Самомъ. Божественное откровеніе и есть т. об. корень истинной религіи, безъ него она невысказана. — Толстой отвергъ Божественное откровеніе и задумалъ основать свою, новую религію. Врагъ всего мистическаго, таинственнаго, сверхъестественнаго, чудеснаго, онъ отвергъ истины Божеств. откровенія о св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о церкви, о св. таинствахъ, о воскресеніи мертвыхъ, о жизни будущаго вѣка... И непросто отвергъ но еще грубо и кощунственно высмѣялъ ихъ, слабывая свои кощунственныя выходки противъ нихъ крѣпкими словцами, на подобіе сихъ, «христіане церковники дѣлаютъ себѣ бога, чтобы съѣсть его въ кусочкахъ съ виномъ, богъ улетѣлъ на небо». Не есть-ли это богохульство и издѣвательство надъ Христомъ?

Но вотъ его художественную и нравственную натуру поражаетъ правда евангелія, божественная красота его ученія. Какъ быть? Ученіе такъ прекрасно, но для него указывается сверхъестественный источникъ и основа — Богочеловѣкъ Христосъ. Принимая Божественное ученіе евангелія, необходимо принять и основу его — ученіе о томъ, что дорогая, благая вѣсть принесена на землю воплотившим-